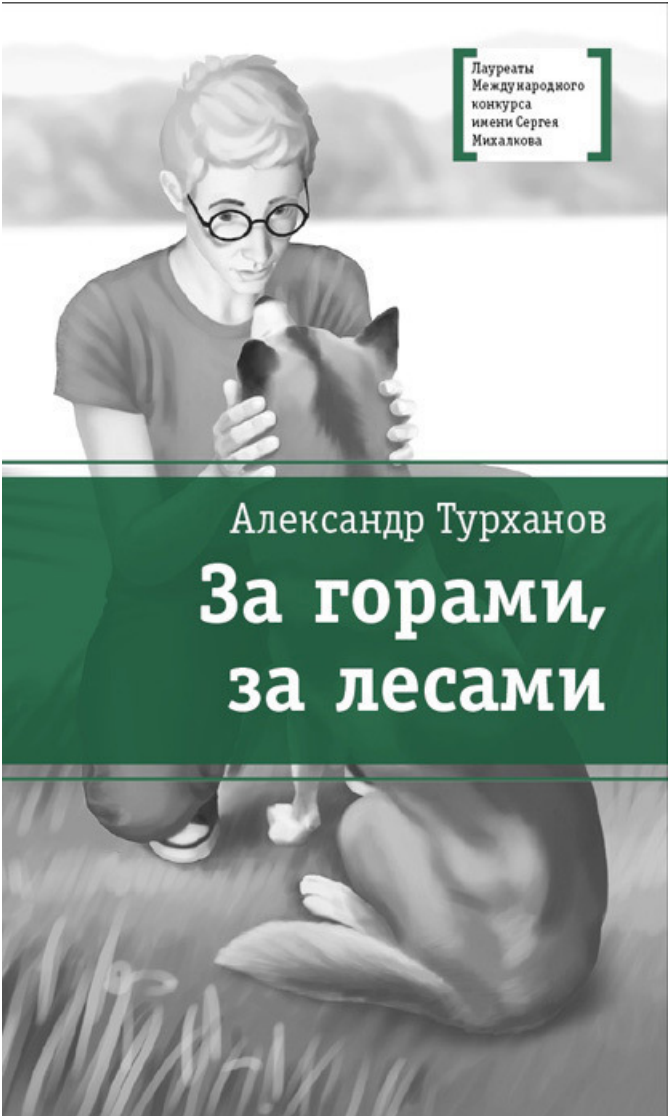

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова
Александр Турханов
За горами,
за лесами

Александр Геннадьевич Турханов

За горами, за лесами

Серия «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27103839
За горами, за лесами: повесть / Александр Турханов : Детская литература; Москва; 2017
ISBN 978-5-08-005792-2

Аннотация

Лёшка привык, что в Москве его окружают блага цивилизации: современные автомобили и метро, ноутбук и микроволновка… ну хотя бы электричество! Можно ли жить без всего этого, он узнает, отправившись летом в глухую сибирскую деревушку. А как обойтись без мобильной связи? Да еще если твоей помощи ждет больной отец, а ты – заблудился в тайге? Вот бы пригодились сейчас мудрые советы, которые учитель ОБЖ по прозвищу Котелок давал на уроке! Но Лёшка с друзьями только смеялись над ним, ведь пока ты живешь под защитой умных предметов и взрослых людей, кажется, что никакой беды с тобой случиться просто не может… Однако в жизни обязательно наступает момент, когда рассчитывать приходится лишь на себя.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе 6
За горами, за лесами 9
Глава первая 10
Глава вторая 21
Глава третья 34
Глава четвертая 44
Глава пятая 54
Глава шестая 64
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Александр Турханов
За горами, за лесами

О конкурсе

Первый конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского фонда культуры и Совета по детской книге России. Тогда конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для

детей и юношества» именно за эту серию.

За горами, за лесами
Повесть

Глава первая

– Пожалуйста, пристегните ремни. Командир корабля и экипаж желают вам приятного полета!

Лёшка пристегнулся. Женщина, что сидела рядом, засуетилась. Пряжка ее ремня застряла между сиденьями, она стала лихорадочно его дергать.

– Не вынимается! Никак не вынимается! – волновалась женщина.

Лёшка помог. Женщина, всё так же суетясь, защелкнула

замок, шумно выдохнула:

– Спасибо! Как же я боюсь летать! Ужас как боюсь летать!

Лёшка хмыкнул: мол, чего тут бояться! Но ему повезло, что соседка оказалась такой трусихой, – ее место было у окна, и она сама предложила поменяться.

Раньше на АН-24 Лёшка никогда не летал и теперь с любопытством осматривался. После больших лайнеров, на которых они с мамой обычно отправлялись в отпуск, салон самолета казался ему совсем маленьким, игрушечным.

– Это же надо, куда мы заберемся, на какую высоту! – всё беспокоилась женщина. – Как представлю, сколько до земли будет, – ужас! Если бы к нам поезда ходили… Да где там! Только лететь. А это такой кошмар, что я прямо не могу!

– Да ну… зато прикольно, – сказал Лёшка и отвернулся к иллюминатору. Больше всего он любил взлет и посадку и сейчас не хотел пропустить мгновение, когда самолет плавно оторвется от земли и начнет набирать высоту.

Они, вырулив на взлетную полосу, стояли несколько минут. Лёшка знал, что в это время командир корабля запрашивает у диспетчера разрешение на взлет.

– И чего стои́м? – забеспокоилась женщина. – Может, сломалось что?

Лёшка хотел объяснить, что так и должно быть, но, набирая обороты, заревели моторы, самолет плавно тронулся, и через миг картинка за стеклом с бешеной скоростью помчалась назад.

Вообще-то они с мамой должны были в июне лететь в Испанию, уже и билеты купили, но из-за того, что неожиданно поменялся график гастролей оркестра, в котором мама играла на виолончели, поездку пришлось перенести на август. Оставлять сына на целых полтора месяца в душной Москве мама не захотела, а ехать под Владимир, к бабушке и дедушке, Лёшка сам наотрез отказался. Во-первых, он и так торчал там почти каждое лето, а во-вторых, в деревне была скука ужасная: речка мелкая – курице по колено, сверстников никого, и пасли его так, что не забалуешься.

А тут как раз пришло письмо от отца и бабы Нины – они в очередной раз приглашали Лёшку к себе на лето. Письма из Ушаковки приходили всегда по почте, в запечатанных бумажных конвертах, с марками и штемпелями, немножко истрепавшиеся в пути, и Лёшке было смешно – будто сейчас не двадцать первый век, а какой-нибудь двадцатый или даже девятнадцатый, когда про Интернет и мейл вообще ничего не знали.

Мама, прочитав письмо, подумала и согласилась.

Лёшка обрадовался. На это было несколько причин: не надо тащиться под Владимир, наконец-то он увидит отца, настоящего таежного охотника, и будет о чем рассказать пацанам во дворе и в школе, а еще Ре́не, с которой познакомился в прошлом году, когда гостили у маминой школьной подруги Даши в Германии.

В аэропорту она сама так представилась, протягивая Лёш-

ке руку:

– Даша. И никаких «теть Даш», ясно?

Даша с мужем жили в маленьком городке под Дюссельдорфом. У них был просторный двухэтажный дом, две машины и четыре велосипеда – так что хватило и Лёшке, и маме.

На велосипедах они вчетвером много катались по окрестностям, иногда уезжали на весь день. Немецкие веломаршруты были забавно устроены: они тянулись среди полей, засеянных овсом и пшеницей, мимо аккуратных лугов и фермерских домиков, мимо пастбищ, где паслись лошади и коровы. Заезжали к знакомому фермеру, покупали парное молоко. Молоко это Лёшке не нравилось – оно было теплое и пахло коровой, но из вежливости, чтобы не обидеть Дашу, он честно выпивал полную кружку.

Через неделю к Дашиным соседям, старичкам Бонке, приехала правнучка. Звали ее Ренэ́йт. Ре́на. Она жила в Кёльне с родителями, а лет ей было столько же, сколько и Лёшке, – тринадцать. Теперь уже с ней он катался на велосипедах. Разговаривали на английском: немецкого Лёшка не знал совсем, в школе у него были английский и французский. Но за свой английский порадовался – почти всё, что говорила Рена, он понимал и мог сносно, пусть и запинаясь, сам рассказать что-нибудь – чтобы и она поняла.

Рена приставала с вопросами, как там в России. Ее интересовало буквально всё: какие у Лёшки одноклассники и

учителя, как проходят уроки, какая она, Москва, в каких еще городах он был, холодно ли в России зимой, жарко ли летом и правда ли, что у них по городам медведи ходят?

– Какие медведи? – от удивления Лёшка перешел на русский. Но потом на английском стал объяснять: никакие медведи у них по городам не ходят, что за бред? Медведей только в зоопарке можно увидеть или в цирке.

Как-то Рена спросила Лёшку об отце, почему он не приехал с ними.

– Он с нами не живет, – ответил Лёшка, поправляя очки. – Он в Сибири живет.

– О! В Сибири! – воскликнула Рена. – Расскажи, расскажи о Сибири! Ты там был?

Лёшка кивнул.

В Сибири он был только один раз. Когда ему исполнилось три года, родители возили его показать бабе Нине, матери отца. От той поездки осталось у него лишь одно воспоминание: рогатое мохнатое чудище бежит за ним, тряся бородой и вопя страшным голосом, а он улепетывает со всех ног по горячей от солнца тропинке, но убежать не может – и вдруг взлетает и оказывается на руках у отца; он со страхом смотрит вниз и видит, как уже чудище, поджимая куцый хвост и жалобно блея, удирает от бабы Нины, а она охаживает страшного зверя хворостиной по спине. Вот и все впечатления…

Про это Лёшка немецкой девочке рассказывать, конечно, не стал: уж очень не хотелось признаваться, что он ничего не

знает о Сибири. Но что рассказать? И Лёшка принялся пересказывать то, что слышал по телевизору или читал в Сети: о морозах за шестьдесят градусов по Цельсию, о шубах, унтах и валенках, о стаях волков, которые нападают на одиноких путников, о том, что сто́ит в тех краях отойти от поселка хоть на километр, и можно запросто потеряться, если плохо знаешь дорогу.

«Потеряться» Лёшка не знал как сказать по-английски. Сказал по-русски.

– Па-те-ря-ца? – медленно повторила Рена незнакомое слово. – Что это?

– Это когда не знаешь дорогу домой, – объяснил Лёшка.

– Ты тоже там… па-те-ря-ца? – спросила Рена.

– Нет, – улыбнулся Лёшка.

– А я один раз… патеряца, – вздохнула Рена.

Когда ей было лет семь, она вышла из супермаркета, а потом не смогла вернуться, потому что не знала дорогу обратно. Это был очень большой супермаркет, в Кёльне полно таких. Кругом была толпа народу, все толкались и толпились, и Рена совсем растерялась. Но тут ей позвонила на мобильный мама. Сначала отругала, потом спросила, что она перед собой видит. И скоро пришла за ней.

Лёшка слушал и снисходительно улыбался.

– Вот у папы в деревне был такой случай… – начал он и дальше рассказал историю, которую слышал по телику.

Парень примерно одних с ними лет поехал с родителями

в середине лета собирать ягоды. Но потерялся. Нашли его уже в начале ноября – мертвого, конечно. Врачи установили, что умер он всего за неделю до того, как его нашли. Всё это время – половину июля, август, сентябрь, октябрь – он блуждал по лесу и не мог выйти к людям, хоть его искали и сотрудники МЧС на вертолетах, и добровольцы.

Рена слушала и ужасалась. И всё пытала:

– Отчего же тот мальчик сразу не позвонил?

– Там связи нету, – объяснил Лёшка. – Лес же кругом.

Лёшка почему-то чувствовал себя после рассказов о Сибири ужасно взрослым. Но всё равно было немного неудобно перед Реной, будто он ее в чем-то обманул. Хоть и говорил он чистую правду – о потерявшемся ровеснике, морозах и шубах. Просто выходило так, словно Лёшка не про кого-то рассказывал, о ком читал или слышал в новостях, а про себя. Но до отъезда он так и не признался, что все его знания о Сибири из третьих рук, – уж очень восхищенно на него девочка смотрела.

– Ты к кому летишь? – спросила соседка.

Она уже успокоилась немного. Выложила на столик вяленое мясо, сало, хлеб, колбасу, сыр – раньше такого в самолете Лёшка никогда не видел, еду всегда раздавали стюардессы.

– К отцу, – ответил Лёшка, косясь на колбасу.

– Будешь? – Женщина протянула ему бутерброд. – В гости, что ли?

– Спасибо. – Лёшка взял бутерброд, откусил. – В гости.

– Понятно… – вздохнула женщина. – Меня Светлана Николаевна зовут. Родители отдельно живут, да? Развелись?

Лёшка кивнул.

– По нынешним временам обычное дело. Еще ничего, если мирно расходятся. Плохо, когда нервы друг другу изводят. Взрослым-то ладно. Детей жалко. Им хуже всего.

Лёшка пожал плечами. Ни разу ни одного плохого слова от мамы об отце он не слышал, да и отец свои письма всегда заканчивал просьбой беречь мать, писал, какой она хороший и добрый человек.

Мама говорила, что Лёшка очень похож на отца – и лицом, и походкой чуть вразвалочку. Да и ростом, скорее всего, в него пойдет. «Будешь такой же жердиной!» – смеясь, говорила мама. Лёшка действительно в классе был самым высоким.

Познакомились родители в аэропорту Новосибирска – случайно оказались на одном рейсе. Погода была нелетная. Они прождали несколько суток. Бродили по городу, заходили в кафе, пили чай и говорили, говорили… Это было так, рассказывала мама, будто они уже были знакомы, потом расстались на много лет и снова случайно встретились. Через месяц отец прилетел в Москву. Поженились. Родился Лёшка. Но года через четыре отец уехал к себе в Ушаковку. Насовсем.

– Так бывает, человек не может прижиться на каком-то месте, – объяснила мама, когда Лёшка подрос. – Я ведь тоже

не смогла бы у него жить. Хоть и слетала посмотреть, могу ли там остаться. Нет, не мое это всё. Ну а здесь не его всё было. Так бывает, Лёш… – И хоть говорила она спокойно, он видел: ей грустно.

– Отец-то где у тебя? – отвлекла его от воспоминаний Светлана Николаевна.

– В Ушаковке, – ответил Лёшка.

– Слышала. Это далеко. Добираться и добираться от нас.

– Очень далеко? – уточнил Лёшка.

– Порядочно. Сначала рекой до Колотовки. Потом по тайге. Ты сам-то откуда?

– Из Москвы.

– Хороший город, – похвалила Светлана Николаевна. – Только как вы там живете? Дышать же нечем. Вот у нас воздух! Пить можно, какой воздух. А я из Анапы возвращаюсь. У брата внук родился. Летала на крестины. Ты бывал в Анапе?

– Бывал, – кивнул Лёшка, – в детстве. – И откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза.

– Отдыхай. Не буду мешать, – сказала соседка.

Лёшка, сам того не заметив, задремал. Проснулся оттого, что самолет резко качнуло.

– Ох, божечки! – услышал он взволнованный шепот Светланы Николаевны. – Что это?

– Турбулентность, – солидно бросил Лёшка, совсем просыпаясь.

Самолет ухнул в воздушную яму. В груди неприятно защекотало, ком подступил к горлу, заложило уши.

– А-а-а!.. – тонким голосом вскрикнула Светлана Николаевна.

– Всё нормально. На посадку идем, – успокоил Лёшка, пристегнулся и стал смотреть за стекло иллюминатора.

Самолет быстро снижался. Они вынырнули из облаков, как из-под одеяла, – сразу стала видна земля. От края до края, сколько хватало взгляда, тянулась тайга. Пока это был лишь сплошной зеленый ковер, но чем ниже опускались, тем отчетливее становились видны покрытые лесом склоны, распадки, между ними кривыми шрамами тянулись впадины. В одной ярко мелькнуло что-то и сразу погасло.

«Наверное, река», – догадался Лёшка.

Они еще снизились. Уже можно было различить неровные верхушки деревьев. Лёшка посмотрел на горизонт. Тайга с высоты и правда была похожа на море (такое сравнение он читал где-то или слышал), только вместо волн бежали к горизонту, накатывая друг на друга, поросшие лесом высокие сопки.

– «За горами, за лесами…» – прошептал Лёшка.

Эту фразу он запомнил еще маленьким. Так отец начинал рассказывать сказки. Но сколько Лёшка ни вспоминал, о чем они были, вспомнить не мог. Уж точно не о Коньке-горбунке, который начинался этими словами: «За горами, за лесами, за широкими морями…»

Самолет резко накренился вправо, выровнялся, опять накренился, задрав крыло так высоко, что в овале иллюминатора осталось только небо, снова выровнялся. Миг – показалась взлетная полоса, самолет резко коснулся земли и покатил, тяжело тормозя и подскакивая, а потом остановился.

– Слава тебе господи! Прилетели… уф!.. – выдохнула Светлана Николаевна и вместе со всеми стала аплодировать экипажу.

Глава вторая

Совсем иначе представлял себе Лёшка встречу с отцом. Всегда он так – сначала нафантазирует, разукрасит в воображении, напридумывает всякую всячину, а реальность окажется совсем другой.

Мама часто вспоминала, как они приехали в Туапсе из Краснодара на автобусе. Лёшке тогда было лет пять. Пошли по кривым улочкам в сторону моря. Был яркий солнечный тихий день. Когда добрались до воды, Лёшка сначала замер, потом крикнул: «Дурацкое море!», расплакался и повернул

назад. Мама его еле успокоила и долго допытывалась, что произошло. По словечку, сквозь слезы выяснилось, что Лёшка ожидал такого моря, как в «Сказке о рыбаке и рыбке»: когда бушует «черная буря», когда «сердитые волны так и ходят, так воем и воют», а в этом бушующем море – непременно сразу и золотую рыбку, и корабль пиратов под черными парусами. Мудрено ли, что тихая солнечная вода бархатного сезона его совершенно разочаровала.

Вот и на этот раз… Встречу с отцом Лёшка в воображении набросал четкими и по-мужски скупыми линиями. Он входит в зал ожидания, подходит к отцу. Отец высокий, но и Лёшка высокий – выше всех в классе, и с отцом они почти одного роста. Отец протягивает руку. Лёшка крепко ее жмет, глядя отцу прямо в глаза. Они обнимаются, потом идут к реке – отец писал, что добраться до Ушаковки можно только по реке, потом по таежной дороге. У отца белый катер с мягкими кожаными сиденьями, у катера руль, как у машины, и толстое лобовое стекло. Они отходят от берега, выплывают на середину. Здесь отец сам предлагает Лёшке занять место капитана, и Лёшка, широко расставив ноги, становится за руль, ведет катер спокойно и уверенно.

В реальности вышла одна суета и неловкость. Вещи им выдали не в зале аэропорта, а у багажного отсека самолета. Лёшкин рюкзак оказался в самом низу, и его еле откопали, самым последним. Светлана Николаевна попросила помочь донести сумку. Сумка была громоздкой и тяжелой, будто ту-

да натолкали камней, и пока они тащились по полю в сопровождении пожилой служащей в синей форме, сумка эта изрядно наколотила Лёшке по ногам. Отца он увидел сразу – тот и правда был самым высоким среди встречающих, но на этом совпадения кончились.

Оказалось, что Светлана Николаевна с ним знакома.

– Игорь Андреевич! – заулыбалась она искательно. – Не ожидала вас здесь увидеть! – И она стала говорить о каких-то бочках.

Лёшка топтался рядом и не знал, что делать. Чтобы себя чем-то занять, кинул маме эсэмэс: «Долетел. Всё ОК». Она тут же ответила – пожелала хорошего отдыха и нарисовала смайлик. Наконец отец шагнул к Лёшке, бросил коротко: «Здоро́во, сын!», обнял и крепко хлопнул по спине. Лёшка в его объятиях почувствовал себя совсем маленьким. Он едва доходил отцу до подбородка. Светлана Николаевна умильно на них смотрела и всё твердила: «Вот же, какая встреча, какая чудесная встреча! Ну надо же!» – и чуть не прослезилась. От этого умиления Лёшку аж передергивало – это было хуже, чем «ВКонтакте» смотреть на стене у девчонок открытки с котиками, честное слово!

Наконец распрощались, еще раз уточнив что-то про злополучные бочки, и Лёшка с отцом пошли к лодочной станции.

Лёшка рассматривал городок. Здесь были в основном двухэтажные деревянные дома, изредка попадались пятиэтажные «хрущевки». Улицы были покрыты бетонными плитами, между стыками торчала пыльная трава. Всю дорогу Лёшка жался ближе к отцу. Тут было полно бродячих собак, а он их очень боялся. Один раз путь им преградила целая стая. Лёшка замер, не решаясь двинуться дальше, но отец, не сбавляя шага, пошел прямо на собак. Те расступились, давая пройти, и только проводили их глазами и лениво помахали хвостами.

Белого катера, придуманного Лёшкой, у отца тоже не оказалось, а стояла носом в берег выкрашенная в темно-зеленый цвет длинная лодка с лавками поперек корпуса. Внутри вместо кожаных сидений каталось выщербленное помятое ведро, из-под скамейки на носу торчали какие-то промасленные тряпки, а на дне, в небольшой грязной лужице, лежали два весла. Мотора нигде видно не было. Лёшка уже подумал, что они поплывут на веслах, но отец сходил к будке сторожа, принес оттуда тяжелый мотор, стал устанавливать. Все это он проделывал молча, похоже совсем не замечая сына. Лёшка смотрел отцу в спину, и ему стало казаться, что тот совсем не рад его видеть. Он начал жалеть, что прилетел

сюда. Лучше бы уехал к бабке и деду под Владимир, где всё привычно и понятно. А здесь всё было чужое: широкая река, холодная даже на вид, высокие сопки, со всех сторон обступившие городок, собаки эти… и отец, которого он представлял по письмам совсем иным – веселым, любящим рассказывать истории, – тоже стал казаться чужим.

Лёшка достал мобильник, ему вдруг захотелось написать маме. О чем – не важно, лишь бы получить ответ. Но здесь, у реки, сигнал уже не ловился. Тогда он стал фотографировать реку, сопки, отца, как тот возится с техникой, но это быстро наскучило.

Установив мотор, отец достал из деревянного ящика на корме свитер и дождевик, протянул сыну, сам взял Лёшкин рюкзак, положил на дно, чуть не в самую лужу. Лёшка всё стоял с одеждой в руках. Отец усмехнулся.

– Надевай, – бросил он. – Задубеешь…

Пришлось одеваться. От свитера неприятно пахло рыбой.

Забрался в лодку. Она опасно закачалась, и Лёшка, ухватившись за борта, неловко и больно плюхнулся на лавку. Отец толкнул лодку, на ходу запрыгнул внутрь. Берег стал медленно удаляться, с бутылочным всплеском заколотилась о корпус волна. Мотор оглушительно взревел, обдав их синим дымом.

Они всё набирали и набирали ход. Отец сидел на корме, у руля, Лёшка – на носу, притянув к коленкам рюкзак с вещами, чтобы его не замочить. Ярко светило солнце, за спиной

у отца от солнечных лучей и водяной пыли мелькала радуга. Было холодно, встречный тугой ветер пронизывал насквозь. Лёшка сидел скорчившись, изредка посматривая то на отца, то по сторонам. Было странно наблюдать, как за кормой стремительно несутся назад волны, а берега, сплошь заросшие лесом и кустарником, медленно плывут мимо.

Часа через два (Лёшка всё посматривал на время в мобильнике) показались деревянные домики села Колотовка. Река здесь разливалась широко, противоположного берега почти не было видно. Плавно завернули, пристали. Пока отец привязывал лодку, Лёшка потоптался, поприседал немного, чтобы размяться и согреться.

– Держи. – Отец сгрузил Лёшкины вещи на берег, тут же оставил и весла. – Это тебе. – А сам снял мотор и, не глядя на сына, понес к деревянному сараю, который стоял поодаль на пригорке.

Лёшка надел рюкзак, кое-как примостил на плече весла: они оказались очень тяжелыми. Вроде бы прошел с рюкзаком и веслами совсем немного, а всё равно умаялся. Пот катил по лицу градом, сразу стало жарко. Скоро вернулся отец, уже без мотора, забрал весла, зашагал к поселку.

Ни одного человека, пока шли по улицам, не встретили, но люди здесь жили: кое-где дымились трубы, взлаивали собаки, мукали коровы, далеко в стороне тарахтела какая-то невидимая машина, про которую Лёшка мысленно сразу решил, что это трактор. Отец подошел к низенькому деревян-

ному дому, отпер калитку, шагнул во двор. А Лёшка едва не застрял со своим рюкзаком в узком проеме, обернувшись на непривычный звук. На дороге показалась лошадь, запряженная в телегу, в телеге восседал важный бородатый дед с перевязанным черной лентой глазом. Лёшка как зачарованный разглядывал его, пока дед приближался. Если бы ему камзол и треуголку, был бы самый настоящий пират. Но дед, поравнявшись с Лёшкой, по-доброму улыбнулся, приветливо помахал рукой – и весь его устрашающий вид сразу рассеялся. Лёшка в ответ тоже махнул рукой.

Потоптавшись у калитки, Лёшка огляделся. Справа заметил гараж с широкими воротами, закрытыми сейчас на тяжелый ржавый замок. Ворота вели прямо на улицу, от них уходили в сторону реки две рельсины. Слева возвышалась поленница, чуть дальше банька, а мимо крыльца тянулся деревянный настил и скрывался за домом. В конце настила Лёшка заметил еще одну калитку.

– Что застрял? – В дверях показался отец. – Давай сюда. Нет времени топорщиться. Вещи во дворе оставь. Мы домой сразу. – И опять скрылся в проеме.

Лёшка пошел к крыльцу, миновал пахнущие чем-то пряным сени и оказался на кухне. Больше половины ее занимала выбеленная печка, никаких привычных Лёшке вещей здесь не было – ни плиты, ни стиральной машины, ни вытяжки над плитой, ни микроволновки с кофеваркой, а лишь деревянный стол и два деревянных стула и деревянные полочки по

стенам, забранные линялыми занавесками. Было сумрачно, солнечные лучи едва пробивались сквозь маленькое мутное окошко.

За стеной возился отец. Лёшка заглянул в соседнюю комнату, увидел железную кровать и еще один деревянный стол. На столе не было ни компьютера, ни разбросанных, как у Лёшки, книг, но зато лежали какие-то камешки, мотки тонкой проволоки, отвертки, пассатижи, несколько помятых ученических тетрадей. Отец перебирал что-то в ящике стола и обернулся на Лёшкино появление.

– Сейчас перекусим, – сказал он, – и дальше двинем. Вошкаться некогда. Успеть бы засветло. – И ушел в кухню.

– Ладно, – кивнул Лёшка его спине.

Настроение было так себе – настораживало немногословие отца, его недовольный, хмурый вид. Опять подумал: зачем приехал? Вдруг почувствовал себя обманутым – столько ждал этой встречи, столько мечтал, как увидятся, сто картинок нарисовал, не меньше! Утром встал рано, летел один с пересадками. Мама хотела заказать ему сопровождение. Детям до двенадцати лет, летящим в одиночку, оно было обязательно, после двенадцати – по желанию родителей. Но он наотрез отказался и даже обиделся, что мама вообще об этом заговорила, ведь он уже взрослый человек и няньки ему не нужны. Они немного поспорили, но Лёшка всё же упросил отпустить его лететь без опеки. Мама не сразу, но согласилась и даже перевела всё в шутку, по своему обыкновению.

– Всё нормально будет, мам… – буркнул Лёшка.

Он ее не подвел: на рейс при пересадке не опоздал, эсэмэс отправлять не забывал – и когда приземлились, и что опять уже в самолете, и последнюю, что с отцом встретились. Мама отвечала: «Спасибо, сынок» – и желала доброй дороги. Лёшка улыбался и ужасно собой гордился.

– Что застрял там, как подкидыш? Примерз, что ли? – услышал он голос отца. – Иди лопать.

Лёшка прошел в кухню, не глядя на отца, сел за стол. Перед ним уже стояла железная глубокая миска с ухой (Лёшка про себя назвал – рыбный суп), лежал крупными ломтями серый хлеб. Отец протянул сыну ложку.

– Холодное порубаем, – сказал он.

Лёшке хотелось сердито отодвинуть миску, чтобы отец знал: нечего с ним обращаться как с чужим, но слишком уж аппетитно выглядела еда, тем более он со вчерашнего вечера в дороге. Он макнул ложку в густое варево, облизал и сам не заметил, как навернул уху до донышка – она была хоть и холодная, но очень вкусная.

– Еще? – спросил отец.

Лёшка кивнул. Посмотрел на отца – показалось, что тот немного подобрел. Когда и вторая миска была опустошена, отец собрал посуду, сложил в эмалированный таз, залил водой.

– Потом помою. Времени нет, – сказал он и вышел из дома.

Лёшка с трудом поднялся, кое-как выпихнул себя во двор – после обеда ноги сразу отяжелели, стало клонить в сон.

Отец из гаража уже выкатил на улицу темно-зеленый «Урал» с коляской – такие Лёшка видел только в старых фильмах. Следом за мотоциклом появился кузовной прицеп на двух колесах. Отец приладил прицеп к «Уралу», из гаража вынес канистру с бензином, залил бак, канистру положил в прицеп, закрепил внутри ремнем. Все это он проделывал молча, движения его были хоть и быстры, но точны и несуетливы.

– Вещи неси, – скомандовал отец.

Лёшка за лямки подтащил к мотоциклу рюкзак. Отец его тоже устроил в прицепе, закрыл брезентом и закрепил края к бортам. Велел:

– Полезай в люльку.

Лёшка хотел возразить, что хочет ехать сзади, но посмотрел на отца и передумал, забрался в коляску, кое-как поместив там ноги – коленки пришлось задрать почти до подбородка. Отец закрыл дом на висячий замок, калитку – на щеколду, протянул сыну шлем. Лёшка поморщился (это был какой-то стариковский шлем, маленький, круглый, с кожаными ушами), но опять возражать не решился.

Они не сразу выехали из поселка, заскочили сначала на почту. Здание ее ничем не отличалось от дома, который они только что покинули, вся разница, что над дверью висела табличка с поблекшими буквами «Почта» да расхаживали

по двору куры, а лодочного гаража не было.

Отец вернулся почти сразу. В руках он держал тонкую пачку писем, перетянутую черной резинкой.

– Старикам нашим, – объяснил он, хотя Лёшка ни о чем не спрашивал, и спрятал письма в нагрудный карман куртки.

А Лёшка подумал: вот, оказывается, из какого домика ему письма приходили. Он достал телефон – сигнал еле теплился, вай-фаем даже не пахло.

После почты подъехали к магазину. У дверей топталось несколько мужиков. Они сразу примолкли, с любопытством стали разглядывать Лёшку. Отец спешился, поздоровался со всеми за руку.

– Сын? – спросил один.

Лёшка заметил, что у него нет двух передних зубов.

– Сын, – подтвердил отец. – Я завтра вернусь, сгоняем, лады?

Мужик кивнул.

Отец вошел в магазин, а щербатый подошел к Лёшке, протянул руку.

– Здоро́во! А я тебя во-о-от таким помню. – Он обозначил расстояние от земли и до собственной коленки. – Ты еще с мамкой приезжал. Как она? Жива-здорова?

– Нормально, – сказал Лёшка.

– Хорошо, – кивнул мужик. – А Москва? Как она? Стоит?

– Ну да, – ответил Лёшка растерянно. Странный вопрос.

Вышел из магазина отец, он нес в обеих руках деревян-

ный ящик с гвоздями. Гвозди топорщились во все стороны, будто промеж досок запихнули большого ежа. Завидев отца, щербатый быстро шагнул к прицепу, откинул полог, помог поставить ящик.

– Мы тут с сыном твоим маленько побалакали, – сказал он. – Я же его помню. Когда еще с матерью приезжали.

– Было дело, – улыбнулся отец и опять пошел к магазину, попросив на ходу: – Помогите, мужики.

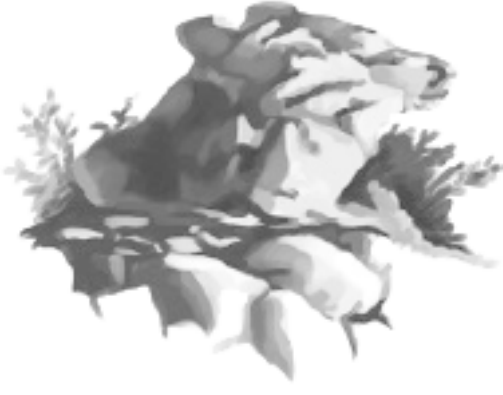
Все потянулись следом, а когда вышли, стали грузить в прицеп какие-то строительные материалы и поверх устроили новенькую бензопилу. Когда всё уложили и закрепили, отец опять пожал всем руки, сказал:

– Остальное на Фениксе довезем, – и сел на мотоцикл.

– Лёха, пока! – крикнул щербатый и помахал рукой.

Но Лёшка не успел ответить – отец уже рванул вперед.

Глава третья



Они выбрались из Колотовки, миновали огороженные длинными серыми жердинами участки с картошкой и въехали в лес. Деревья плотно сомкнулись за спиной, дорога пошла резко в гору, мотор натужно заревел, сразу затрясло на кочках и корнях. Лёшка судорожно вцепился в борта люльки, боясь вывалиться, но скоро успокоился, приноровился к тряске, и сердце уже не уходило в пятки, когда люлька вдруг высоко подпрыгивала, – было даже весело.

Выехали на заросшую высокой травой поляну. Слева Лёшка заметил строение из бетонных блоков, без крыши, без окон, но огороженное забором из колючей проволоки. Снова

нырнули в лес, опять дорога пошла резко в гору. Двигались так медленно, будто шли пешком, а не гнали на мотоцикле. Лёшка перегнулся через борт – под колесами был виден каждый камешек.

В какой-то момент показалось, будто они совсем встали, зависли на самом верху. Стало страшно, что мотор не выдержит, заглохнет и они помчатся вниз – сначала медленно, потом все быстрее – и врежутся в какое-нибудь дерево. Лёшка наклонился вперед, будто хотел этим движением подтолкнуть мотоцикл, помочь ему, но мотор, напоследок рыкнув, выровнялся, загудел опять спокойно, без напряжения, и подъем закончился.

Проехали несколько километров по ровной дороге, потом вновь резко вверх и опять по ровной. Скоро дорога стала плавно поворачивать направо. Лёшка понял, что они уже почти на самой верхушке горы. Ехали вдоль крутого склона – по правую сторону, как огромные наросты, торчали валуны, слева склон резко обрывался, и внизу видны были только макушки деревьев.

Отец стал притормаживать и наконец совсем остановился.

Дорогу преградило поваленное дерево, листва на нем было сухой и побуревшей. Отец пошел вперед, прихватив топор, стал рубить ствол. Лёшка с трудом выбрался на дорогу, размял затекшие ноги, скинул шлем, вздохнул полной грудью и закашлялся.

– Помоги! – позвал отец.

Лёшка подошел. Они вместе оттащили дерево на обочину, открывая путь.

– Можно ехать, – сказал отец и пошел к мотоциклу. На ходу обернулся, бросил через плечо: – Как ты?

– Нормально. – Лёшка нехотя плелся следом. От неудобного сидения ноги неприятно покалывало.

– Ничего. Скоро прогуляешься! – усмехнулся отец. – Будет впереди такое местечко.

Лёшка опять забрался в коляску.

– Что за местечко? – спросил он, пристраивая ноги поудобнее.

– Увидишь. Шлем, – напомнил отец.

Лёшка недовольно поморщился, но шлем натянул.

– Здесь камнепады случаются, – пояснил отец, видя его недовольство. – Бóшку проломить может.

– А сам-то что? – Лёшка кивнул на непокрытую голову отца.

Но отец не ответил.

Проехали еще несколько километров. Лёшке было неуютно оттого, что отец почти все время молчит и только время от времени подает короткие реплики, почти команды. И опять он спрашивал себя: не зря ли? Папа ему помнился совсем не таким. Этот мрачноватый, сосредоточенный и совсем чужой мужчина ничем не напоминал доброго сказочника из детства.

Отец выключил мотор, и мотоцикл с тихим шуршанием покатил вниз, разгоняясь. Лёшка понял: так отец дает мотору передышку, охлаждая перед новым подъемом. И действительно, спустившись в распадок, где воздух был уже не тугим и горячим, а густым и влажным, они опять поползли в гору, медленно забираясь на вершину, чтобы потом вновь с убаюкивающим шуршанием под колесами скатиться вниз, в пряную тень распадка.

Они еще много раз поднимались и спускались, но Лёшка уже приноровился к дороге и сидел расслабленно, с любопытством глазел по сторонам. Этот путь напоминал ему «американские горки» – такие же крутые подъемы и стремительные спуски, как на аттракционе, но будто увеличенные в размерах и замедленные в скорости. Лёшка помнил, какой испытал ужас, когда, впервые въехав на вершину «американской горки», они ухнули вниз… как больно сжало тогда виски, а сердце будто кто-то держал холодной шершавой рукой. Но, пережив первый страх, он уже не боялся нового срыва вниз, а ждал его с нетерпением и восторгом. Когда это было? Кажется, еще в первом классе.

Опять забрались в гору. Ехали долго вдоль крутого склона. Лёшке окончательно наскучили подъемы и спуски, ноги опять затекли. Отец остановил мотоцикл. Лёшка немедленно полез из коляски, радуясь остановке. Выбрался неуклюже, тело плохо слушалось, а ноги чесались изнутри, будто в них напихали стекловаты. Лёшка прошел вперед, на ходу

разминаясь.

– Иди-иди! – крикнул отец. – Не останавливайся. Осторожнее только.

– Ладно. – Лёшка пошел дальше, чувствуя, как оживает с каждым шагом.

Деревья расступились, он сделал еще несколько шагов и замер у края обрыва. Глянул вниз – и в испуге попятился.

Дорога здесь резко сужалась, становилась тропинкой и круто сворачивала, одним боком боязливо прижимаясь к отвесной скале, а другим обрываясь в пропасть. Там, на дне, было темно, а стена скалы, нависающая над дорогой, напротив, была ярко освещена розовыми лучами заходящего солнца.

Подъехал отец.

– Впечатляет, да? Это Чёртова ступенька, – сказал с улыбкой. – Можно в объезд, конечно. Но это самая короткая дорога.

– А как же мы проедем? – растерянно спросил Лёшка.

– Как всегда, медленно и осторожно! – усмехнулся отец. – Только я поеду один. А ты за мной. Пешочком. Но не раньше, чем проеду. Держись ближе к скале. Понял меня? Держись ближе к скале! – повторил отец.

Лёшка кивнул.

– Вот и хорошо. – Отец завел мотор.

Лёшка остался стоять на дороге. Ему казалось, что мотоцикл, да еще с прицепом, ни за что здесь не пройдет, но отец все же въехал на тропу, тихонько тронулся вдоль края обрыва. Лёшка со страхом наблюдал, как на узких участках колесо люльки нависает над краем тропы, а отец боком почти касается скалы. Захотелось зажмуриться и ничего этого не видеть, но он продолжал стоять и смотреть, чувствуя, как от страха по вискам течет пот. Но вот самый узкий участок дороги был пройден, отец немного прибавил ходу, вырулил на широкую площадку, остановился, сошел с мотоцикла и махнул сыну рукой.

Лёшка медленно пошел по тропе и с ужасом понял, что ноги сами несут его к обрыву, а темное дно пропасти с каждым шагом будто приподнимается навстречу. Хотелось по-

дойти к краю и смотреть вниз, точно из этой глубины его кто-то гипнотизировал.

– Ку-у-да-а-а?! – услышал Лёшка отцовский окрик. – Дурак! Лево держи! Ближе к скале!

Лёшка видел, что отец уже идет к нему, и он послушно шагнул налево, как ему велели, коснулся скалы рукой. Так, держась за нее, он прошел самый узкий участок, не поворачивая головы, смотря только под ноги. Когда дорожка стала пошире, он прибавил шагу, почти подбежал к отцу и лишь тогда выдохнул облегченно.

– Ты что туда поперся? – сердито спросил отец. – Я же сказал – левой стороны держаться надо!

Лёшка виновато потупился, сказать ему было нечего. Не признаваться же, в самом деле, что вдруг оказался абсолютно безвольным перед тем, что так мощно потащило его к краю обрыва? Было стыдно за эту безвольность. А если бы отец не крикнул, не остановил? Так и рухнул бы вниз?

– Ладно, – успокаиваясь, сказал отец, взгляд его потеплел. – Отдышись пока. Уже почти приехали. Немного вниз спустимся – и у бабушки… Заждалась, наверное. Ну и как тебе наши проспекты? – Он кивнул на дорогу.

– Круто!

– Согласен… крутенько.

Отец поднялся на пригорок, подозвал сына. Лёшка подошел, встал рядом.

Слева до самого горизонта тянулась густо заросшая лесом

гряда сопок, напротив горели розовым светом горы, а сразу от подножия скалы, где они стояли, змеилась глубокая расщелина. И сейчас прямо в расщелину опускалось багровое солнце, утягивая за собой и сопки, и горы, и редкие охряные облака в густой синеве предзакатного неба. Только звезды не подчинялись этому зову солнца, и чем темнее становилось вокруг, тем ярче они разгорались.

– Во-о-н туда посмотри, – сказал отец, показывая рукой на гору напротив. – На что похоже?

Лёшка пригляделся. Даже очки протер. Сначала он увидел лишь неровные края, нависшие над тайгой, но, чем дольше всматривался, напрягая зрение, тем яснее выступал из скалы контур гигантской собачьей головы. Скоро Лёшка уже мог различить настороженно поднятые уши и вытянутую морду, словно собака высматривала добычу.

– На собаку похоже, – сказал Лёшка.

– Точно. Она так и называется – Собачья скала, – подтвердил отец. – Про нее даже легенда есть. – И он начал рассказывать, неожиданно перейдя на книжный какой-то язык. – В давние времена жил в этих краях знатный охотник. Был у него неразлучный друг – верный пес. Вместе на промысел ходили, не раз друг друга из беды выручали. Но охотник заболел и умер. Похоронить себя завещал на этой скале – с нее всю тайгу как на ладони видно. Люди так и сделали, похоронили его на вершине. Ночью к нему на могилу пришел пес. И к утру тоже умер – от тоски. А через несколько дней люди

заметили, что контуры скалы напоминают собачью морду – это душа пса закаменела от горя… Вот такая легенда.

Лёшка слушал, и ему было смешно – так вот же оно, то самое, из детства: «За горами, за лесами…»! Только ведь ему теперь не четыре года, а четырнадцать.

– А что, до смерти охотника скала не похожа была на собаку? – спросил он насмешливо.

– Старики говорят – не была, – ответил отец серьезно. – Ладно, поехали. Скоро станет совсем темно.

Глава четвертая

На следующее утро отец уехал.

Еще вечером, когда сели ужинать и Лёшка, чуть не урча – так проголодался, уминал куриную ногу, отец сказал, что завтра уедет по делам, дня на три-четыре. Лёшка едва не поперхнулся. А как же он?!

– Вернусь – свожу тебя на «дачку», – добавил отец.

– У тебя есть дача? – удивился Лёшка. Почему-то он совсем не ожидал услышать здесь это слово – «дача».

– Вроде того! – усмехнулся отец и рассказал, что у каждого охотника-промысловика есть несколько охотничьих избу-

шек. Расположены они друг от друга за много километров, и обязательно среди них одна базовая, где установлена рация. – А та, куда прогуляемся, самая близкая. И больше для баловства, потому что соболя вокруг мало. Просто отдыхаю там иногда, – добавил отец и при этих словах почему-то смутился.

Лёшке постелили в маленькой комнате. Стены здесь были бревенчатые, на гвоздях сушились пучки трав, пахло вкусно: пряно и терпко. Лёшка устал за долгий день, с двумя перелетами и ездой по таежным «американским горкам», но всё равно уснул только под утро, а до утра провоевал с комарами. Он хоть и намазался мазью, которую в Москве дала ему мама, чуть не целый тюбик извел, но комары все равно доставали. Лёшка остервенело расчесывал укушенные места, ругаясь про себя, ждал, когда зазудит над ухом очередной пикировщик. Пытаясь в темноте определить, как близко тот подлетел, шлепал что есть силы себя по лбу, щекам, шее, груди, ушам – и какая была радость, когда чувствовал под ладонью зашибленного комара! Но как же было обидно, когда, врезав себе с размаху, понимал, что промазал и комар как ни в чем не бывало продолжает свое мерзкое зудение.

– Гад же какой! – шептал Лёшка, вновь прислушиваясь. – Ну погоди! Сейчас ты у меня получишь!

Он отключился, только когда посерело окно в комнате и стены выступили из темноты. Проснулся поздно, но вставать не хотелось: от вчерашней многочасовой тряски ломило те-

ло. Лёшка потянулся к телефону, первым делом проверил сеть – сети не было. Он достал планшет, решил поиграть. Заряда на планшете почти не осталось – не больше десяти процентов. Поискал розетку – она отыскалась как раз рядом с кроватью, – морщась, поднялся, вынул из рюкзака шнур, воткнул в планшет – ноль реакции. Вторая розетка нашлась на противоположной стене, за тумбочкой, но и она была мертвая. Лёшка пощелкал выключателем – тоже ничего.

– Ну вот!.. – разочарованно вздохнул он. – Еще и света нет. Вообще жестяк!

Выглянул на улицу. Шел дождь. Окно выходило на огород: видны были кусты малины и смородины вдоль штакетника, мокнущие грядки, забранные деревянными досками, теплица под полиэтиленовой пленкой, участок с картошкой. В дальнем углу огорода, наполовину скрытый кустами, торчал деревянный туалет. Лёшке хотелось в туалет, но от мысли, что надо бежать сейчас под дождем, по размокшей тропинке, его передернуло.

Он нехотя оделся, поплелся на кухню. Там уже возилась бабушка, топилась печка, на плите в большой кастрюле что-то булькало. Было жарко и влажно, Лёшка сразу вспотел.

– Проснулся? – обернулась бабушка на его появление.

– Отец уехал уже?

– Давно. Еще затемно.

– Ба, у вас света нет, что ли? – Лёшка пощелкал выключателем на кухне.

– Почему это нет? – улыбнулась бабушка. – Дают по вечерам часа на два. С девяти до одиннадцати. Это я вчера Митрича упросила подольше подержать. А то как бы мы тебя покормили без света?

– Что, весь день света не будет?! – Лёшка с досадой подумал о почти нулевом заряде планшета.

– Не будет. Да мы уже привыкли. Встаем с солнышком, ложимся с солнышком.

– Фигасе! – протянул Лёшка.

После завтрака послонялся по дому, но ничего интересного для себя не нашел. Вышел во двор. Дворовый пес вылез навстречу, зевнул во всю пасть, слабо вильнул хвостом и опять забрался в будку. Хочешь не хочешь, а пришлось прогуляться в дальний угол огорода.

На обратном пути Лёшка зашел в ста́йку, где возился в резко пахнущей жиже боров. Еще вечером бабушка сказала, что зовут его Ромкой. Лёшка сфотографировал борова на телефон, чтобы потом показать своему другу Ромке Потапову его тезку. Заглянул в курятник. Куры сидели на насесте нахохлившись. Петух, завидев Лёшку, слетел со своего места и, растопырив крылья, с воинственным видом побежал на непрошеного гостя. Лёшка шарахнулся и перед самым его клювом закрыл дверь.

– Козел! – сказал он петуху и поскорее отошел от курятника.

Опять ушел в дом, в комнате завалился на кровать. Сам не

заметил, как уснул и проспал несколько часов, пока бабушка не разбудила обедать.

– Завтра на кладбище хочу сходить. У деда твоего день рождения. Помянуть надо. Пойдешь со мной? – спросила она, подавая суп.

Лёшка пожал плечами: делать все равно нечего, почему бы и нет.

– С родовóй тебя познакомить, – добавила бабушка. – В кои-то веки сюда приехал, надо познакомиться.

Лёшка недоуменно на нее посмотрел, слово какое-то – «родовá»… Но спрашивать ничего не стал. Бабушка оделась, ушла на двор, скоро оттуда раздалось:

– Цыпа-цыпа-цыпа…

Помаявшись в доме еще с час, Лёшка решил погулять по поселку. Дождь перестал, приподнялось над землей и посветлело небо.

Он насчитал не больше сорока домов, из них жилых не было и половины. Кое-где даже стен не осталось, лишь торчала из груды прогнивших бревен печная труба, другие стояли без окон, без дверей, среди бурьяна в человеческий рост, но были и такие, где еще совсем недавно жили, – их пока не поглотили заросли лопуха и крапивы. Пусть и полуразрушенные, но во дворах за редким штакетником виднелись баньки, сарайки и курятники – такие дома стояли с закрытыми ставнями.

Дома были разбросаны по склонам пологих, заросших ле-

сом сопок, но высоко не поднимались, ютились поближе к воде. Посередине, разделяя поселок, текла мелкая каменистая речка. На противоположном берегу, на взгорке, Лёшка заметил небольшую деревянную церковку, забранную строительными лесами. Через речку тянулся мост – ветхий, с прогнившими и просевшими до самой воды досками, с торчащими по сторонам брусьями, на которых, наверное, держались когда-то перила. Но сейчас их не было. Мостик явно требовал ремонта. Лёшка шагнул на него, прошел немного вперед и вернулся на берег – доски под его весом опасно шатались и противно скрипели.

Он сел на валун на берегу, прислушался – не было слышно даже пения птиц, только тихо журчала на камнях речка да где-то очень далеко куковала кукушка. Он любил смотреть фильмы, в которых герои волей случая оказывались в заброшенных городах-призраках, и там с ними случались разные ужасы: то зомби нападали, то вампиры, то живые мертвецы. Сейчас ему казалось, будто он очутился в таком вот призрачном месте.

«И что я поперся в эту глушь?! – хмуро думал Лёшка. Тишина, но больше безлюдье придавливало к земле. – „Сибирь! Круто! Сибирь!“ – передразнил он, вспомнив, Рену. – А оказалось, тут жестяк и тоска. И отец бросил, уехал. Одна радость – обещал в тайгу сводить».

Лёшка решил, что обязательно уговорит отца научить его стрелять. Он слышал, что настоящие охотники белке в глаз

попадают, чтобы шкурку не портить, – вот как стреляют! Они с Ромкой часто соревновались в тире, кто больше очков выбьет. И Потапов, конечно, всегда выигрывал. Но теперь-то отец научит Лёшку стрелять по-настоящему! И тут Лёшка стал мечтать, как он вскидывает пневматику легким движением руки, почти не целясь, выпускает пульки одну за другой и все они ровненько ложатся в десяточку. Вот бы у Ромки челюсть отвисла! Так что пусть отец учит. Чтобы белке в глаз. А то что еще здесь делать-то? Лёшка посчитал, сколько осталось до отъезда домой, совсем приуныл и опять подумал, что лучше бы под Владимир поехал, там хоть иногда Интернет поймать можно было. Имелось во дворе такое местечко – на сарае со всякими лейками и лопатами. Лёшка забирался туда, приставляя к стене лестницу, и сидел, как кот на крыше. А здесь… Даже не позвонишь. Уходя, он спросил у бабушки, бывает ли вообще здесь связь?

Бабушка пожала плечами:

– Если только в Колотовке… Не скажу. Не знаю. Отец, если когда чего, всегда в Колотовку едет.

Лёшка на это лишь хмыкнул: ничего так прогулочка бы получилась, по «американским горкам», чтобы написать Ромке, например, «Привет, как дела?».

Он поднял камешек, бросил в воду, тот с тихим бульканьем ушел на дно.

«Таежной романтики захотелось? – зло подумал о себе Лёшка. – Вот и получай свою романтику. И отец уехал. Ну

почему он сразу уехал?!»

Он встал, побрел от речки к дому. Вдруг его окликнули, и это было так неожиданно – услышать человеческий голос, – что он аж подпрыгнул.

– Что башкой-то вертишь? – послышалось совсем рядом, и только тогда Лёшка заметил старика на лавочке у забора. Понятно, почему не сразу его разглядел – забор был серым и дед был серым: в серой телогрейке, в серой кепке и с серой же бородой.

«Маскировочка!» – усмехнулся про себя Лёшка, оправляясь от испуга.

Дед поднялся с лавочки и подошел.

– Алексей? – спросил он, протягивая руку.

Лёшка кивнул растерянно – откуда этот посторонний дед его знает? Рука у старика была жесткой, а рукопожатие сильным. Он помолчал, колюче всматриваясь в Лёшку; под этим взглядом стало неуютно. А потом вдруг улыбнулся, потрепал по плечу:

– На Андрюху похож… Вылитый Андрюха в молодости. Дружок мой был, дед твой, Андрюха-то. Вместе росли. Похож ты на него, вот что! Только ростом в отца. Да телом пожиже. А так – вылитый Андрюха. Надолго седова?

– Седова… – растерялся Лёшка и на всякий случай сказал: – Не знаю. Как получится.

– Кхам! – громко кашлянул дед, достал серый платок в клетку, оглушительно высморкался. – Вы здесь, щеглы, на-

долго не бываете. Покажетесь, хвостом вильнете – и поминай как звали. Но вот ты приехал… Может, и мои подольше задержатся. Ну, бывай! – Дед опять протянул руку для пожатия, пошел обратно на лавочку, закурил.

Лёшка рассказал бабушке о встрече со стариком.

– Так это Митрич, – объяснила она. – Как раз его просила свет для тебя подержать вчера. К нему внуки вот-вот приедут, Санька с Женькой. И правда! Что ж я забыла. Володька привезет, отец ихний.

– Внуки? – насторожился Лёшка, внуки – это отлично, а то со скуки умрешь. – Сколько им лет?

– Да твои ровесники, поди. Женька помладше разве что, а Санька… ну да, одногодки будете. Митрич говорил, послезавтра должны приехать.

Лёшка еще хотел расспросить о внуках Митрича, но бабушка заторопилась по хозяйству – задать корм борову, кормить курей, готовить ужин. Явно было ей не до разговоров.

Лёшка опять промаялся всю ночь. Мамин крем не помогал, комары кусали нещадно. И хорошо бы только кусали – но как же они жужжали! Было душно, вдалеке погромыхивал гром, но открыть окно Лёшка не решился, опять же из-за комаров, чтобы не впустить в комнату подкрепление. Колотил себя что есть силы и вспоминал, как хорошо дома в такие вот душные ночи – включил кондиционер, вставил в розетку фумигатор, и лежи себе наслаждайся прохладой –

ни одна сволочь тебя не укусит.

Глава пятая

Лёшка проснулся с припухшим от укусов лицом и злой от недосыпа. Опять висел над поселком серый нудный день. Нестерпимо, до слёз хотелось домой.

Бабушка, посмотрев на внука, на его раскорябанное лицо, достала с полки жестяную баночку.

– На-ка вот… На рыбьем жиру.

– Что это? – Он открыл крышку, заглянул внутрь.

Баночка до краев была заполнена темно-коричневой вонючей густой мазью, в нос шибануло так, что Лёшка отшатнулся.

– Ты мазюкай, не боись. Лицо смажь, руки. Ни одна гада не укусит.

Это был березовый деготь, первое средство от таежного гнуса. Бабушка рассказала, что вытапливают его из бересты. Только в чистом виде мазаться дегтем нельзя: сожжет кожу до волдырей, надо обязательно разбавлять подсолнечным маслом или рыбьим жиром.

Лёшка старательно намазался, посмотрел на себя в зеркало, в отражении увидел светловолосого негра в очках.

– Хорош! – улыбнулась бабушка.

Но ему было без разницы, как он выглядит, лишь бы не ели комары да всякая мелкая таежная мошкара, которая тоже очень больно кусалась и с которой воевать было гораздо сложнее, чем с комарами.

– У нас еще ничего, – сказала бабушка. – Высоко живем, да и тайга сплошь хвойная, всё гнуса помене. Вот в низине – там да-а-а… В старину была такая казнь – человека голым привязывали к дереву…

– И чего? – поинтересовался Лёшка, вытирая руки о штаны.

– А того. Через сутки-двое либо с ума сходил, либо умирал. Гнус у него всю кровь выпивал.

После завтрака отправились на кладбище. Оно располагалось на противоположном берегу. На ту сторону Лёшка вчера не пошел: перебираться по мосту, который в любой момент может обрушиться, не хотелось. Но бабушка сейчас легко перешла через мост, и Лёшка, делать нечего, поплелся следом – доски хоть и шатались под ногами и скрипели, но ничего, выдержали.

Пока шли, бабушка рассказала, что поселок с левого берега начал строиться, потом уже перекинулся на правый. Поравнявшись с церковкой, она остановилась, трижды перекрестилась с поклоном.

– Мужики наши, вишь, взялись за нее, ремонтируют. Дай

Бог, дай Бог… – сообщила она.

Лёшка на всякий случай согласно покивал.

Скоро показалось кладбище – прямо на склоне, среди деревьев. Некоторые могилы были огорожены, кое-где виднелись железные пирамидки со звездой, но в основном торчали из травы потемневшие покосившиеся кресты. Как и в поселке, здесь тоже можно было угадать, чьи родственники не уехали из здешних мест, – трава на таких могилах была выполота, кресты подправлены, но в большинстве своем могилы были заброшенные, заросшие.

Бабушка ушла вперед, а Лёшка задержался. С памятника смотрел на него совсем молодой парень. Лёшка наклонился, прочитал даты рождения и смерти, посчитал – тому было всего пятнадцать, когда он умер.

– Что ты там? Иди сюда! – позвала бабушка.

Лёшка подошел, озираясь по сторонам, – где же «родова», с которой она хотела его познакомить, не пришли еще, что ли?

– Вот, внучек к нам приехал, Лёшенька. – Бабушка пошла между холмиками, стала рассказывать: – Игорька, значит, сын. Вот это прабабушка Ульяна. Это прадед Матвей. Это бабушка Прасковья, это ее братец Никита…

Лёшка смотрел то на могилы, то на бабушку. Она светло улыбалась, а ему было странно и немного не по себе – вот, оказывается, что она имела в виду, когда про знакомство говорила, и представляла она его этим холмикам так, будто они

живые.

– А это твой двоюродный дядька Степан. Шалопутный был. Но хороший. Веселый.

Лёшка смотрел на холмик, под которым давно истлел шалопутный Степан, а бабушка уже указывала на другую могилу.

– А вот Анфиса, твоя троюродная бабка. Красавица была! Мужики из-за нее постоянно мордовались, пока в девках ходила. А вот поди ж ты, выбрала Кольку одноногого. Промаялась с ним век, всё терпела – побои терпела, пьяные выходки. И такое бывает… – вздохнула бабушка. – А это Андрей, муж мой, дед твой, значит. – Бабушка достала из сумки чекушку водки, плеснула из нее сначала на холмик, потом в потемневшую рюмочку, что стояла на могиле, поохала, забормотала молитву: – «Христе Иисусе, Господи и Вседержителю! Ты – плачущих утешение, сирых и вдовиц заступление…»

Лёшка смущенно отошел, побродил по кладбищу, иногда посматривая на бабушку. Достал телефон, пощелкал «родову», вышло глупо. Удалил фотографии. Бабушка, помолившись, наклонилась, стала выпалывать сорняк с холмика. Лёшка сфотографировал и ее, как она стоит головою вниз над могилой деда, и тоже стер – у бабушки был такой вид, словно она полет грядку.

Скоро пошли назад. Проходя мимо могилы парня, Лёшка задержался, спросил, что с ним случилось.

– С Пашкой-то? Медведь задрал.

– Как – задрал?!

– Ну как задирают… – горько вздохнула бабушка. – В тот год сильно тайга горела. Медведи через нас и пошли. Пашка с дружком отошли от поселка за каким-то надом. А тут медведь. Дружок убежал, успел, а Пашка на дерево полез с перепугу. Тот ноги ему и отъел.

– Как – отъел?! – не поверил Лёшка.

– Так и отъел. Пока мог, держался Пашка, не падал. Ну а уж потом… – Бабушка махнула рукой. – Медведей много к нам тогда пришло, страшно было из дома выйти. Собаки сутками не унимались по дворам. А того зверюгу мужики убили, конечно. Выследили и убили. Кто из них человечины попробует, тот уже ничего другого есть не станет.

– Жесть… – тихо сказал Лёшка.

– Что говоришь? – переспросила бабушка.

Но он не ответил. В голове не укладывалось, как это так в двадцать первом веке живому человеку медведь взял и отъел ноги. Лёшка пытался это представить – и не мог, а только ёжился непроизвольно.

По дороге домой бабушка рассказала, как возник поселок. Основали его в середине восемнадцатого века несколько казачьих семей, что бежали из поселенческих острогов в здешнюю глухомань. Семьи Калединых, Зиминых, Лыткиных, Епифановых привел за собой, уходя от лютости воевод да царских поборов, Клим Ушаков, по нему и поселок так называется – Ушаковка. Поставили на воле избушки, били

зверя, ловили рыбу.

– В те времена речка богатая была. Это сейчас в землю уходит… – пожаловалась бабушка.

Рыбацким поселком Ушаковка не стала, в основном жители занимались охотничьим промыслом. Со временем поселок разросся, приняв в себя новые семьи. В советские времена одно время собирались открыть тут леспромхоз, но не открыли: слишком накладно было вывозить лес по здешним непроходимым тропам, а по мелкой речке сплавлять его было нельзя.

– Мы из Епифановых будем, – сказала бабушка, подходя к дому. – Из тех, что с Климом пришли. Так что ты коренной у нас.

Лёшка впервые слышал, что он, оказывается, не просто так, а потомок древнего казачьего рода. Все это было, конечно, очень интересно, но он до сих пор находился под впечатлением от рассказа о Пашкиной смерти и всё думал, внутренне передергиваясь, как Пашке этому, живому, медведь грызет ноги – просто из головы не шло.

Ближе к вечеру явились гости – старики и старухи. Пришел и Митрич, опять крепко пожал Лёшке руку. Старики вначале расспрашивали о Москве, о школе, о матери – многие здесь ее помнили, хоть и приезжала она только раз. Потом отвлеклись на свои дела: какой урожай картошки, огурцов да помидоров ожидать от нынешнего года, по приметам какая будет зима – снежная, суровая или как в этом году, ко-

гда снега почти не было, а мороз не опускался ниже тридцати. Но больше всего разговоров было о детях, внуках и правнуках: как им живется, кто у кого родился, кто на ком женился да кто с кем развелся.

Лёшка слушал, наблюдал, и постепенно ему стало казаться, что он смотрит историческое кино в 3D, где всё вроде и реальное, но не настоящее, а он просто зритель в стереоочках – таким неправдоподобным было всё вокруг: неспешная беседа стариков, потрескивание дров в печи, сумрак комнаты, беленая печка, деревенская утварь, потемневшие фотографии на стенах.

Ближе к девяти, когда Митрич засобирался к генератору давать свет, старики потянулись по домам – справлять свои хозяйственные дела. Бабушка прибиралась на кухне и вдруг попросила рассказать про заграницу.

– Отец говорит, ты там был.

– Был, – кивнул Лёшка.

Он рассказал про Германию, про велосипедные прогулки с Реной по асфальтированным дорожкам среди полей, про фермерские дома, где есть Интернет и спутниковое телевидение.

– И кого на фермах таких разводят, немцы-то? – поинтересовалась бабушка.

– Коров разводят, лошадей, – стал перечислять Лёшка, – оленей…

– Что, прям олени пасутся? – не поверила она.

– Ну да, а что?

– Да ну… врешь, поди, – сказала бабушка уверенно. – Точно врешь. Я понимаю, в лесу олени. А на ферме зачем? Точно врешь.

– Ну ба-а-а… – протянул Лёшка. – Ну чего ты?! Почему бы на ферме оленям не быть?

– Ох, не знаю… Странно как-то… – Бабушка покачала головой. – Точно не врешь?

– Вот еще! С чего мне врать-то?!

Лёшке было хоть и обидно, что бабушка ему не верит, но и смешно, что больше всего она не поверила именно в оленей на пастбищах у фермеров. Поверила всему, даже асфальтированным дорожкам среди поля, а про оленей – не поверила. Впрочем, Рена так же недоверчиво смотрела на него, когда он рассказывал о сибирских морозах за шестьдесят. В медведей, которые бродят по городу, она верила, а в морозы за шестьдесят – нет.

Они еще поговорили недолго, и Лёшка ушел в свою комнату, дождался, когда дадут свет, поставил заряжать планшет и телефон. Хоть и без связи, но ему было спокойнее и привычнее, когда техника заряжена. Жаль, что здесь не было Интернета, – он бы сейчас быстренько нагуглил тех немецких оленей и показал бабушке, а то что же она не верит!

Глава шестая

Утром его разбудили голоса во дворе. Еще не открывая глаз, прислушался: бабушка говорила с каким-то ребенком. Голос у ребенка был высокий и звонкий. Лёшка приподнялся на кровати, солнечный свет, бьющий в окно, ослепил его. Он пошарил рукой по тумбочке, нашел очки.

– Мать-то с вами приехала? – услышал он слова бабушки.

– Не-е-е… – протянул ребенок.

Судя по всему, он был мелкий совсем, сильно младше

Лёшки. А про внуков Митрича бабушка сказала, что они почти ровесники. Значит, это кто-то другой.

– А что ж так-то? – спросила бабушка.

– Она позже. Недели через две, наверное. А знаешь, баб Нин, я сама Чёртову ступеньку проехала! Папка разрешил.

– Ох, Сашенька… – сказала бабушка. – Вот Надя не знает, что вы творите. Ремня бы вам всыпала! Тебе и папке твоему – точно бы ремня получили!

«Вон что, – понял Лёшка. – Санька – девчонка! А Женька? Тоже? Две девчонки, что ли?!»

Он поднялся, быстро натянул джинсы и футболку, обул кроссовки на босу ногу и выскочил из комнаты. Проходя мимо зеркала на кухне, посмотрел на свое отражение, ужаснулся и начал умываться. Плеснул на лицо воды из рукомойника раз, другой, третий – и вода закончилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.